

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

16

Грамматика славянских диалектов.
Механизмы эволюции. Утраты и инновации.
Историко-типологические явления

Москва 2013

Редколлегия издания:

к. ф. н. М. М. Алексеева
к. ф. н. Д. Ю. Ващенко (Анисимова)
д. ф. н. А. Ф. Журавлев
д. ф. н. Л. Э. Калнынь
М. Н. Толстая

Отв. редактор выпуска:

д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Рецензенты выпуска:

д. ф. н. В. С. Ефимова
к. ф. н. И. И. Исаев

16-й выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, посвященные рассмотрению грамматических особенностей славянских диалектов. Явления грамматики рассматриваются в широком аспекте — это образование отдельных морфем и парадигм, средства словообразования, семантика грамматических категорий. Предлагается также опыт построения именной словообразовательной модели, по правилам которой сочетаются именные и суффиксальные морфемы в частной диалектной системе (ЧДС). Грамматика славянских диалектов определенным образом реагирует на контакты с иноязычным окружением. Результаты этих контактов описаны на материале польского, чешского, словацких и севернорусских говоров, а также славянского диалекта в албаноязычном окружении. В ряде статей публикуются записи диалектных текстов. Выпуск представляет интерес для тех, кто интересуется грамматическим устройством славянских языков/диалектов в их динамике и современном состоянии.

The 16th issue of the series “Studies in Slavic Dialectology” contains articles devoted to the grammatical particularities of Slavic dialects. The grammatical events are examined widely, as a formation of different morphemes and paradigms, as means of word formation, as semantics of grammatical categories. The experience of creating substantial and suffixal morphemes in a dialectal system is also discussed. Grammar of the Slavic dialects has a particular reaction to the contacts with foreign environment. Results of such contacts are described through examples of Polish, Czech, Slovak and North Russian dialects, as well as a Slavic dialect existing in the Albanian surrounding. In some articles transcripts of dialectal texts are published. This issues is useful for those, who are interested in grammar of Slavic languages/dialects in its developmental dynamics and current state.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>П. Е. Гриценко</i> . Грамматический портрет диалекта	9
<i>П. Жиго</i> . К проблеме картографирования субстантивных парадигм в диалектах славянских языков	37
<i>Т. В. Попова</i> . Категория рода и перестройка типов склонения существительных в восточнославянских диалектах	48
<i>О. А. Абраменко, С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая</i> . Системы соотношения gen. и dat.-loc. <i>a</i> -основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект	63
<i>А. Эркер</i> . Формы настоящего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье	166
<i>Г. К. Венедиктов</i> . Об аналогическом преобразовании презентной основы некоторых глаголов в болгарских говорах	179
<i>А. Р. Чернявский</i> . Формы глаголов 1 л. мн. ч. настоящего времени в белорусских говорах Общеславянского лингвистического атласа	190
<i>В. П. Русак</i> . Морфонология белорусских диалектных глаголов	196
<i>Н. Е. Ананьева</i> . Морфология глагола в польском говоре с. Вершина Иркутской обл.	203
<i>А. В. Тер-Аванесова</i> . Производные формы глагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре	211
<i>Л. Э. Калнынь</i> . Флексия им. ед. м. р. местоименных прилагательных как особенность русских диалектов	240
<i>Е. С. Лунькова</i> . Опыт описания частной морфемной модели в смоленских говорах	247
<i>А. Ф. Журавлев</i> . Возвращаясь к проблеме категории числа у русского наречия	257
<i>С. И. Иорданиди</i> . К истории некоторых непродуктивных именных суффиксов в русском языке	277
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i> . Способы выражения собирательности в русских говорах: грамматика и семантика	292

<i>С. С. Скорвид, Д. К. Поляков.</i> О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе	305
<i>С. А. Мызников.</i> О грамматических аспектах прибалтийско-финского и севернорусского языкового взаимодействия: каузативные глаголы	338
<i>М. М. Макарецв.</i> Система личных местоимений в славянском говоре с. Бобоштица (округ Корчи, Албания)	349
<i>Д. Ю. Ващенко (Анисимова).</i> Неопределенные местоимения в словацких диалектах на фоне словацко-венгерских контактов	364
<i>Г. К. Коберинка.</i> Украинские диалекты в свете лексикографии	370

Грамматический портрет диалекта

Грамматический уровень диалектного языка (ДЯ) — совокупность единиц и правил их функционирования в речи — настолько вариативен и многими элементами противопоставлен географически, что явления морфологии, синтаксиса существенно влияют на дифференциацию диалектного континуума и, как ареально релевантные, традиционно учитываются при определении его членения, описании отдельных диалектов или ДЯ в целом.

На грамматику диалектов лингвисты издавна обращали внимание, о чем свидетельствуют специальные описания данного структурного уровня, разделы в обобщающих трудах по диалектологии, вопросники для собирания сведений по грамматике диалектов, карты в атласах и даже специальные атласы. Внимание исследователей традиционно сосредоточено на форме языковых единиц, а не на их значении, функциях; при этом превалирует изучение проблем морфологии, и значительно меньше — синтаксиса. Сложилась определенная традиция описания грамматики диалектов, отличающаяся от дескриптивного представления данного структурного уровня литературного языка (ЛЯ). Это обусловлено неодинаковыми задачами (научными и/или дидактическими) изучения грамматики этих форм существования языка, структурными особенностями самих объектов исследования. При этом изначально предполагался системный подход к грамматике независимо от форм существования языка — диалект или литературный стандарт, даже если это специально не оговаривалось. Однако постулат системности языка и его структурных уровней на практике оказался скорее ориентиром, нежели последовательно применяемой моделью описания языковой реальности. Положения о системности нередко используются как клише метаязыка лингвистики и не определяют применение конкретных исследовательских процедур.

Системное описание языка, несомненно, ценное и результативное при его последовательном применении, относительно отдельных сегментов структуры языка или отдельных форм его существования реализовано частично, а во многих случаях и вовсе не используется. Это обусловлено прежде всего сложностью последовательного приложения данных общетеоретических постулатов к отличающимся между собой уровням языка с их широкими наборами единиц и зачастую сложным и многоступенчатым внутренним устройством; последнее делает практически невозможным создание и использование универсальной модели, актуальной для всех или нескольких структурных уровней ДЯ.

Грамматика, традиционно воспринимаемая как четко упорядоченное и относительно несложное образование, оказалась тем сегментом многоуровневой и многостратной структуры языка, в описании которой принцип системности используется не всегда последовательно, нередко избирательно. Описания морфологии литературного идиома оставляют впечатление исчерпывающей реализации принципа системности с набором противопоставлений, иерархией единиц и их дифференциальных признаков. Такому традиционному восприятию морфологии, особенно ее словоизменительного сегмента, не в последнюю очередь способствовала его презентация в форме образцов парадигм, которые, как изначально представлялось, покрывают весь словник языка. Однако распределение словарного состава ЛЯ по словоизменительным типам в реальности оказывается значительно сложнее исходных упрощенных представлений, что побудило к созданию специальных словарей, отражающих отнесение каждого слова к словоизменительному типу (классу) или к единицам с индивидуальным словоизменительным поведением¹. На практике ситуация выглядит иначе: регулярные словоизменительные типы сосуществуют с индивидуальным словоизменительным поведением многих слов; отсюда — наличие значительного количества типов словоизменения. Последнее убедительно доказывает, что только анализ максимально полного корпуса лексики способен приблизить к системному описанию словоизменения, познанию этой важнейшей черты внутреннего устройства грамматики языка.

Значительно реже по сравнению с исследованиями ЛЯ принцип системности применяется при изучении грамматики диалектов, где традиционно преобладает внимание к отдельным грамматическим формам и явлениям, иногда не связанным между собой. Приводимые при этом аргументы о необходимости отбора разрозненных элементов для выявления структурного противопоставления различных ЧДС (групп говоров) или определения оппозиции диалектов литературному стандарту объясняют и отчасти оправдывают сложившуюся исследовательскую практику, однако не приближают к более полному познанию грамматики диалектов, ее адекватному дескриптивному или картографическому представлению. К тому же изучение грамматики ДЯ, оставаясь преимущественно в сфере формы, способов формального представления значений, очень несмело входит в сферу функционального, когнитивного, что давно стало предметом тщательного анализа грамматики ЛЯ.

¹ См.: *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Изд. 5-е, исправленное. М., 2008; *Критська В. І., Недозим Т. І., Орлова Л. В., Пуздирева Т. К., Романюк Ю. В.* Граматичний словник української мови. Словозміна. Київ, 2011.

Все это противоречит методологической основе изучения ДЯ как системы, включая грамматику. Такое положение не в последнюю очередь обусловлено традиционным видением задач описания грамматики ДЯ, применяемыми способами и моделями дескрипции. Реализация установки на системное изучение грамматики диалектов осложняется необходимостью интерпретации зафиксированных грамматических форм и значений, что предусматривает привлечение сведений по диахронии, учет изменений структурных элементов диалекта во времени. Показательно, что даже ограничившись синхронным срезом и исключив из наблюдения — на уровне исследовательской процедуры — динамику ДЯ во времени, исследователи не охватывают всей грамматики как целостной структуры, моделируя ее сегменты, чаще всего на уровне отдельных грамматических классов слов. Это созвучно с идеей *фрагментарного моделирования* (на фоне целостного диалектного континуума): «Практически осуществимой задачей, особенно для языков с большой территорией распространения, является фрагментарное моделирование системы диалектного языка»; и далее: «Собрание выполненных на основе единых принципов фрагментарных моделей системы диалектного языка приближает решение предельной задачи, состоящей в создании модели системы диалектного языка»². Эти выводы Л. Э. Калнынь проецированы на изучение фонологической системы диалекта, имеющей по сравнению с грамматикой меньший репертуар элементов, менее сложную их организацию (парадигматику) и правила сочетаемости (синтагматику). Моделирование грамматики оказывается весьма сложным. Соответственно, многоплановым и продолжительным во времени является формирование необходимой для исследования эмпирической диалектной базы.

Синхронное описание ДЯ иногда изначально может быть ориентировано на круг отобранных с определенной целью единиц, явлений (к примеру, для рассмотрения «важнейших процессов, обусловивших становление диалектов»³), что влечет за собой избирательность элементов отдельных структурных уровней, а не учет и презентацию их полного репертуара. При отборе объектов изучения просматривается связь между привлекаемыми к анализу диалектными явлениями и степенью известности и повторяемости в лингвистике сюжетов по их истории: достаточно разработанные проблемы чаще

² Калнынь Л. Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973. С. 10.

³ Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 19; важность данной идеи подчеркнута также в (APID: 16).

других становятся предметом диалектологического описания. Поэтому даже инновационные по своей направленности фундаментальные проекты демонстрируют значительную зависимость от актуальных в момент их формирования лингвистических идей и собранного материала⁴. Избирательный подход к грамматике различных диалектов обусловил неполноту и несопоставимость информации из различных микро- и макрозон диалектного континуума, что усиливает эффект глубоких различий между диалектами на данном структурном уровне. Последнее не соответствует языковым реалиям, а, скорее, отражает смещение оптики наблюдений.

Приведенные замечания об изучении грамматики диалектов приложимы и к украинской диалектологической традиции. Хотя сегодня доступна значительная по объему информация о грамматике украинских диалектов, содержащаяся в монографических описаниях, Атласе украинского языка (АУМ) и региональных лингвогеографических опытах, словарях, текстах диалектной речи, однако разнородность и разрозненность этих сведений, в плане как лингвистического содержания, так и полноты, не позволяют объективно оценить пространственное распределение в континууме многих элементов грамматической структуры, смоделировать процессы, обусловившие их наблюдаемое состояние. В целом знания о грамматике украинских диалектов остаются весьма скромными, несмотря на то, что уже в первом обобщающем труде по украинской диалектологии К. П. Михальчук представил собранные по специальной программе сведения о пространственном варьировании многих грамматических форм на временном срезе 50–60-х гг. XIX в.⁵, что стимулировало внимание к диалектной грамматике в трудах его последователей. Однако приходится констатировать, что и в начале XXI в. сохраняется острая недостаточность эмпирических сведений и теоретических обобщений о данном структурном уровне диалектов. Внимание исследователей сосредоточено преимущественно на самом факте наличия (реже — отсутствия) определенных грамматических форм (изредка — явлений, процессов), на их значимости для дифференциации изучаемого пространства, что стало следствием доминирования в ареальной лингвистике задачи определения границ, дифференциации континуума. Иная идеологема — установление отношения диалек-

⁴ *Topolińska Z.* OLA nosi piętno swego czasu // *Jazykovedné štúdie*. XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie. Bratislava, 2010.

⁵ *Михальчук К. П.* Нарѣчя, поднарѣчя и говоры Южной России въ связи с нарѣчяими Галичины // *Труды этнографическо-статистической экспедиции въ Западно-Русскій Край*. Т. 7, вып. 1. СПб., 1872.

тов к литературному идиому — поддерживала создание описаний грамматических форм, явлений, дифференцирующих ДЯ и ЛЯ⁶. Системное описание грамматики диалектов остается отдельными эпизодами в развитии диалектологии. Сложившаяся ситуация с изучением грамматики украинских диалектов не подвергалась тщательному анализу, поэтому нерешенным остается ряд вопросов, в частности об объеме и структуре информации, необходимой для исследования, а также о соотношении лингвистического описания и реального бытования диалектов. Ответы на эти вопросы важны для определения методологии и частных приемов изучения ДЯ, его отдельных структурных уровней как в целом континууме, так и в его пространственных сегментах.

Степень полноты информации о языковом объекте, как известно, коррелирует с целями и приемами его описания. Оценивая объем и качество сведений о грамматике диалектов, особенно на фоне знаний о грамматике ЛЯ, необходимо принимать во внимание форму существования диалектов — устную речь с ее необычайно развитой вариативностью, изменчивостью формальной структуры языковых элементов⁷. На создание надлежащей эмпирической базы диалектологии в целом или ее отдельных разделов могли влиять и внеязыковые (политические, социокультурные) факторы, формировавшие аксиологию диалектов как объекта изучения и тем самым детерминировавшие актуальность, направленность и глубину их изучения, выбор исследовательских приемов, что определяло результаты познавательного процесса⁸.

⁶ Отмечено, что «в описаниях отдельных диалектов и групп говоров на морфологическом уровне собран материал преимущественно по словоизменению, как правило, в плане различий с литературным языком» (Жилко Ф. Т. Передмова // Українська діалектна морфологія. Київ, 1979. С. 3).

⁷ Представляется целесообразным разделить *грамматических вариантов* (формально отличающихся словоформ, закрепленных речевой практикой и воспринимаемых диалектоносителями как альтернативное выражение значения) и *трансформ* (словоформ, имеющих индивидуальный несистемный характер, возникающих спорадически); принятие и освоение трансформы носителями ЧДС является предпосылкой ее перехода в вариант.

⁸ Для судеб объемных фундаментальных проектов существенными оказывались значительная протяженность во времени их реализации (последнее связано с объемом подготовительных работ, включающих разработку теоретических основ, создание вопросников, длительное собирание диалектных сведений), а также сложность организации работы больших коллективов исполнителей. Многие пионеры славянских диалектных атласов и словарей не увидели завершения начатых ими проектов, были лишены возможности проверить свои исходные гипотезы и предвидения, опираясь на весь корпус собранного материала, сформулировать обобщения и выводы, ради которых предпринимался масштабный труд. Их продолжатели нередко привносили идеи, а также процедуры и детали познава-

Для оценки современного состояния изучения грамматического строя диалектов важны объем и структура информации, которые поддаются объективному определению путем сопоставления с инвариантной наддиалектной моделью. Последняя строится с учетом: а) набора грамем; б) набора грамматических форм; в) типов нейтрализации оппозиций грамем, направлений взаимовлияний между формами их выражения.

В украинской лингвистике сложились различные подходы к формированию баз данных по грамматике диалектов: ориентированные на полное, недифференцированное по отношению к ЛЯ представление грамматического строя ЧДС / диалекта (1), либо на ряды грамматических форм, реже — явлений, отражающих только часть сведений, объединенных по определенному признаку (2).

Первое направление складывалось поначалу вне теоретических положений о системности языка и ориентировалось на нормативные грамматики литературного языка как модель описания. В дальнейшем происходила постепенная эволюция в направлении целенаправленного отражения полноты информации о грамматике диалектов. Так, И. Г. Верхратский еще на рубеже XIX–XX вв. в описаниях украинских юго-западных диалектов представил целостные словоизменительные парадигмы, указав на их лексическое наполнение. Например, в описании диалекта батюков⁹ он привел образец парадигмы существительного *гриб* (формы всех падежей ед. и мн. ч.), отметив его принадлежность к определенному словоизменительному классу. Одновременно автор объяснял формальные особенности отдельных словоформ, условия их возникновения и особенности функционирования в речи. Так, он прокомментировал ряд словоформ для выражения граммемы *instr. sg. существительных *ā-осн.* — флексии *-оіу, -оу* и *-ом*; указал на направление индукции словоизменения существительных женского рода в парадигму мужского рода, **ū-осн.* на **ō-осн.* в *dat. sg. (селови)*; подчеркнул существование беспредложных *loc. (будеш місті* вместо *будеш у місті)* и *gen. (ідеш хати* вместо *ідеш до хати)* и др., указал на ряд исторических и некоторых дистрибутивных характеристик словоформ. Все это демонстрировало преимущества многоплановой интерпретации собранного материала с исходным моделированием микросистем. Однако широкого распространения такой тип исследования не получил.

тельного процесса иного (своего) времени, что не всегда соответствовало исходным замыслам авторов проекта.

⁹ *Верхратський І. Говір батюків. Львів, 1912.*

Позже И. А. Панькевич пытался последовательно реализовать принцип системности в описании словоизменения закарпатских диалектов¹⁰. Однако, поставив целью определить пространственную дифференциацию южнокарпатской языковой области и охватив наблюдениями 179 населенных пунктов, он не смог обеспечить необходимую полноту материала по всем исследуемым ЧДС¹¹. В основу матрицы для сопоставительного анализа Панькевич положил типы словоизменительных парадигм современного ему украинского ЛЯ, приняв во внимание также информацию об исходном состоянии словоизменительных типов. Это позволило рассматривать условия и направления динамики от праславянского состояния грамматических форм до современного, зафиксированного в диалектах. Отмеченные в различных говорах варианты словоформ он представил в виде таблиц словоизменения, наглядно отражающих типы и глубину формального противопоставления диалектов на уровне парадигм или их фрагментов. Сосредоточив внимание на изменяемых частях речи (оставлены без внимания наречие, служебные части речи), автор прокомментировал варианты звенья парадигм, описал лексическое наполнение словоизменительных типов. Опыт такого исследования, несмотря на некоторую неполноту материала, ценен и до сих пор востребован, поскольку демонстрирует преимущества системного изучения грамматики диалекта по сравнению с фиксацией и анализом разрозненных форм и явлений, а эмпирические сведения, зафиксированные исследователем, продолжают широко использоваться как надежный источник языковой информации.

Идеи системного подхода к грамматике ДЯ воплотил О. Лешка в описаниях отдельных украинских диалектов Восточной Словакии¹². Разработанная им модель ориентирована на максимальный набор релевантных структурных черт, их системные связи. Например, моделирование склонения имени существительного предполагает учет категорий рода, числа и падежа, одушевленности/неодушевленности; последовательно учтены ударение в образовании и дифференциации грамматических форм, морфонологические

¹⁰ *Панькевич І. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Частина І. Звучня і морфологія. Прага, 1938.*

¹¹ Автор отмечал, что «не було всюди часу перейти цілу граматику» («не везде было время записать грамматику [диалекта] в полном объеме» — там же, с. 13).

¹² *Leška O. Govor sela Ublja Vostočnoj Slovakii. Etjudy po ukraínskoj dialektologii. 1. Praha, 1973; Leška O. Очерк морфології села Звала восточної Словаччини. 1. Глагольнє формообрання // Studie ze slovanské jazykovědy. II. Praha, 1978. S. 229–280; Leška O. Очерк морфології села Звала восточної Словаччини. 2. Іменнє формообрання // Studie ze slovanské jazykovědy. III. Praha, 1980. S. 107–152.*

чередования. Структурное моделирование грамматики говоров сел Убля и Звала сохраняет методологическую (и дескриптивную) ценность, хотя в украинской (шире — в славянской) диалектологии не нашло должного продолжения и развития.

Важный опыт системного анализа диалектного словоизменения представляет описание торуньского закарпатского диалекта С. Л. Николаева и М. Н. Толстой¹³, в котором не только представлены основные сведения по именному и глагольному словоизменению, но и, что особенно ценно, в словарном формате приведена вся собранная в говоре информация, относящаяся к словоизменительной характеристике каждого слова.

С позиций системности проанализировано также словоизменение имени существительного в бойковском говоре¹⁴ и в диалектах среднеполесско-среднеподнепровского пограничья¹⁵; при этом был привлечен значительный круг существительных, что позволило изучить их парадигматическое поведение, распределение по словоизменительным типам, констатировать наличие нерегулярного словоизменения многих лексем. Все это актуализирует более общую проблему — полноты охвата наблюдениями диалектного материала, обеспечивающей надежность теоретических выводов. Ведь даже охват значительного количества существительных не дает полной уверенности в том, что вне внимания не остались те важные элементы структуры языка, которые способны диагностировать явления синхронного или диахронного порядка. Зафиксированная неполнота (лакунарность) в словоизменении отдельных лексем, даже при создании для их выявления специальных коммуникативных (контекстных) ситуаций, отражает соотношение реальной (*реализованной в речи*) грамматики и ее инвариантной модели.

Наблюдения над поведением грамматических форм в речи не только убеждают в целесообразности привлечения диалектных текстов как источника языковой информации, возможности существенного дополнения ответов на анкеты-вопросники, но и способствует формулированию новых задач исследования. Текст позволяет соотнести реальные (реализованные) и потенциально возможные (нереализованные) элементы грамматической структуры,

¹³ Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

¹⁴ Зубрицька М. І. Бойківська іменникова словозміна. [Дисс. ... канд. філолог. наук]. Київ, 1992.

¹⁵ Рябець Л. В. Словозміна іменника в говірках центральнополісько-середньонадніпрянської суміжності. [Дисс. ... канд. філолог. наук]. Київ, 1999.

на возможность существования которых указывает наддиалектная модель-матрица. Текст как пространство проявления системы ЧДС имеет обозримую линейную протяженность, фиксированные начало и конец. Это дает возможность определить количественные параметры всех реализованных грамматических форм, соотнести частотность их употребления, что нередко оказывается важной характеристикой диалекта. В то же время на основании текста может быть составлен список не только низкочастотных, но и нереализованных (потенциальных) элементов структуры, предусмотренных инвариантной моделью¹⁶. В опоре на диалектный текст исследование системности грамматики обретает новое содержание в виде функциональной градации элементов структуры. Одновременно появляется возможность наблюдать за линейным текстообразованием и поведением в тексте многих грамматических единиц, которое влияет на динамику их форм и функций в речи.

При изучении грамматики в опоре на отдельные явления в большинстве исследований репрезентированы списки таких единиц. К середине XX в. в украинской диалектологии тип описательных диалектологических исследований, в которых приводилась обобщающая характеристика всех / многих структурных уровней диалектов сравнительно небольших территорий, оказался преобладающим. В таких работах внимание сосредоточено на словоформах, маркирующих изучаемые диалекты на фоне других диалектных систем или литературного стандарта¹⁷. При этом собирание материалов было ориентировано прежде всего на Программу для диалектологического атласа украинского языка (Програма), что обусловило как повторение в различных трудах исследуемых проблем, частично — и материала, так и общность / близость применяемых аналитических процедур. Следствием такого подхода к формированию эмпирической базы стало первоочередное внимание к элемен-

¹⁶ Специальное исследование грамматики отдельной ЧДС в опоре на текст (*Делюсто М. С. Граматика говірки у світлі тексту*. [Дисс. ... канд. філолог. наук]. Київ, 2010) подтвердило наличие не реализованных в речи диалектоносителей грамматических форм, что может свидетельствовать о низкой функциональной нагрузке таких единиц в структуре диалекта или полной редукции.

¹⁷ *Пристиупа П. І. Говірки Брюховицького району Львівської області*. Львів, 1957; *Пура Я. О. Говори Західної Дрогобиччини*. Ч. I. Львів, 1958; *Бандрівський Д. Г. Говірки Підбузького району Львівської області*. Львів, 1960; *Ващенко В. С. Полтавські говори*. Харків, 1957 (Ващенко явления современных диалектов комментирует на фоне сведений локальной письменности предыдущих эпох); с большей детализацией сведения о поднепровском и вольнском диалектах отражены в: *Шило Г. Ф. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра*. Львів, 1957.

там, отличающим диалект от ЛЯ, а также то, что далеко не все элементы грамматики диалектов, важные для их характеристики, отражены в таких исследованиях. Можно предположить, что диалектологи оказались не готовы к последовательному системному описанию грамматики говорів, использованию преимуществ системного подхода при создании атласов. Отсюда, к примеру, преобладание внимания в АУМ к разрозненным словоформам и только в отдельных случаях — обращение к микросистемам, но не полным парадигмам, что существенно ограничивает познание дифференциации континуума на уровне грамматических подсистем. Так, для картографирования имени существительного в АУМ предусмотрены словоформы *gen.*, *dat.*, *instr.*, *loc. sg.* и не охвачены формы *nom.*, *acc.*, *voc. sg.*, хотя для многих существительных сведения о формах *nom. sg.* в значительной степени восполняют ответы на вопросы лексической части программы; для *pl.* взяты словоформы только *nom.* и *gen.* (картографирование имени существительного должно быть обеспечено ответами на 33 вопроса). Отметим, что вопросник ориентирован на выявление падежных форм существительных различных грамматических родов и различных исходных типов склонения, сохраняющих следы неодинаковых направлений внутри- и межпарадигматической аналогии, трансформации старых типов словоизменения по основам. Для картографирования имени прилагательного центральной определена проблема сохранения полных (членных) форм (*nom. sg. n.*, *gen. sg. f.* и *nom. pl.*), характер флексии притяжательных прилагательных в *nom. pl. m.* и *f.* (всего на прилагательные отведено 4 вопроса). Для глагола как релевантные отображены проблемы морфонологических чередований при формообразовании, типы флексий личных форм глаголов различных классов преимущественно настоящего, меньше — прошедшего и будущего времени, а также образование форм повелительного и сослагательного наклонений (21 вопрос).

Несомненно, перечисленные важные проблемы и сюжеты по грамматике данных классов слов составляют незначительную часть информации, которая с позиции пространственной релевантности могла бы быть отражена на лингвистических картах и как следствие — использована для определения типов и характеристики диалектов в их современном состоянии, а также для углубленного исследования динамики в диахронии. Вне пристального внимания остались многие грамматические формы частично представленных классов и целые классы слов, которые даже по имеющимся далеко не полным сведениям ареально релевантны, важны для понимания многих явлений и процессов. Информационную лакуарность по грамматике украинских диалектов демонстрируют некоторые приводимые ниже примеры.

1) В северо-западной части украинского западнopolесского диалекта зафиксирована форма *nom. sg.* существительного *t*-основы *те'л'ето*¹⁸ (на фоне дублетной формы *те'л'е*), отмеченная и в смежных белорусских говорах – *тылэта, парасэта, егнэта*¹⁹; форма возникла под влиянием косвенных падежей, см. форму *dat. sg.* *те'л'ет-ови*²⁰. Локальная грамматическая форма расширила репертуар соотносительных флексий, дав основание для моделирования направления индукции — от косвенных падежей к *nom. sg.*

2) В АУМ среди репрезентантов семемы 'мать' в 5 н. п. западнopolесского говора отмечена форма *nom. sg.* *'матера*²¹, подтвержденная и более поздними записями диалектных текстов: *'матира рос'казувала*²². Форма *'матер*, также известная, хотя и редко фиксируемая в этом ареале, отмечена в отдельных ЧДС подольского, бойковского, лемковского (АУМ II, к. 366), гуцульского диалектов; на нее в свое время обратили внимание И. Г. Верхратский, И. А. Панькевич, Б. В. Кобылянский, объясняя ее как результат влияния *acc. sg.* на *nom. sg.*²³ Возникновение формы *nom. sg.* *'матера*, совпадающей с формами косвенных падежей (*gen. sg.* *'коло 'матера, без_ 'матера ос'таўс'а, піш'ли_б 'луч:е до_ 'матера 'мейі*; *acc. sg.* в клише *'просимо 'Господа 'Бога і Пре'чистейі 'Диви 'Матера 'Божойі* [Аркушин 2010: 152, 229, 275, 432 и др.]) и поддерживаемой ими, предположительно связано с процессом подчинения существительных женского рода, в прошлом относившихся к различным типам склонения, превалирующему типу словоизменения существительных **ā*-основ. Таким образом, форма *'матира* отражает еще один этап трансформации парадигмы существительного *мати*, вследствие чего возникло неразли-

¹⁸ Словоформа отмечена в селах Самары, Гута Ратновского р-на, Подмановое Шацкого р-на, Згораны Любомльского р-на, Новоселки Турийского р-на Волынской обл.; во всех этих пп., кроме Гуты, в *dat. sg.* отмечена форма *те'л'етови*; ареал словоформы *dat. sg.* с формантом *-ат-ов* (*~о'в'і, ~ови*) значительно шире географии формы *те'л'ето* (Зінчук, к. 30–31).

¹⁹ Словоформы зафиксированы в селах Горки Дрогичинского р-на, Черняны Дивинского р-на, Оса и Орехово Малоритского р-на Брестской обл. (ДАБМ, к. 86).

²⁰ На фоне распространенных в данном ареале флексий *-ови/-ові* и *-ати/-аті* форма *те'л'етови* представляется контаминированной.

²¹ Словоформа зафиксирована в селах Ростань, Пульмо, Мосыр Любомльского р-на, Коритница Владимир-Волынского р-на Волынской обл., Глиняная Ивановского р-на Брестской обл. (АУМ II, к. 366).

²² Сошично Камень-Каширского р-на Волынской обл. (Аркушин 2010: 258).

²³ Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови: Нариси із словозміни та словотвору. Ужгород, 1960. С. 52.

чение форм *pot. sg.* и некоторых косвенных падежей (к примеру, на к. 366 АУМ II отражены ареалы совпадения форм *pot.* и *gen. sg.*). Эти изменения не получили широкого развития: данная словоформа сохранилась на архаической периферии украинского континуума, а также в отдельных белорусских ЧДС основного континуума²⁴, и, что очень важно, образует две микрзоны преимущественно в западной (латеральной) части белорусских говоров Белосточчины (AGWB III, м. 212). Следует отметить, что вне видимой ареальной связи с белорусским и украинским континуумами в русских диалектах распространена форма *pot. sg. máteřa* (южнорусские, южные среднерусские диалекты, единичная фиксация в севернорусском п. 879) (ДАРЯ II, к. 9). Отметим, что в русских диалектах совпадение *pot.* и *acc. sg.* в форме *máteřa* отмечено только в 2 н. п. из 33 н. п., в которых известна форма *máteřa* в *pot. sg.* Указанная география дает основания предположить независимую в украинско-белорусском и русском ареалах реализацию этого типа индукции, имеющего скорее архаический, нежели инновационный характер.

3) Показательна судьба местоимения *ви* 'вы': по программе АУМ выявление сведений о формах 2 л. мн. ч. личных местоимений не было предусмотрено, хотя на собиране таких материалов ориентировали вопросники ДАБМ и AGWB. Позже в различных источниках появились сведения о функционировании в западнopolесском диалекте формы *вите* 'вы'²⁵, однако надлежащего внимания она не привлекала. Данная словоформа восходит к сочетанию местоимения *ви* и форманта *те*, где *те* — континуант вспомогательного глагола **быти* во 2 л. мн. ч. наст. времени (*те* < *сте* < *йесте* [*јесте*])²⁶. Очевидно, после универбизации сочетания местоимения и глагольной формы,

²⁴ В белорусском ареале форма *pot. sg. мацера* записана в пп. Весницк Ушацкого р-на Витебской, Сораги Слуцкого р-на Минской, Батарей Березовского р-на Брестской обл. (ДАБМ, к. 89).

²⁵ В (Арк. 2000, I: 60) отмечено функционирование данной словоформы в 9 н. п. в вариантах *ви-тэ, ви-та, в'і-те*.

²⁶ См.: Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978. С. 324–326. В ряду этих явлений — трансформация *йа* из сочетания местоимения *йа* и *м* как рудимента глагольной формы **јесць*; см. также: *бим* (< *би* + *м* (из **јесць*). В гуцульском диалекте В. Шухевич записал множество повторяющихся речевых оборотов-новообразований, включающих рудименты старых глагольных форм: *И я дькую за ваш прихід, шосте* [< *шо јесте*] *були ласкаві приходити до мене; дай, Боже, шобисте* [< *шоби јесте*] *дочекали нарїк такої днини!* (Шухевич В. Гуцульщина. Ч. 4. Львів, 1904. С. 254), см. также: *vžesmo xodyty* (Dejna: 77); большое количество аналогичных устоявшихся в речи новых словоформ (не только с глагольными компонентами) отражают современные записи диалектной речи.

но еще во время функционирования *стелієсте* как живых элементов диалектной речи, возникла трансформа *вієтесте*, зафиксированная как дублетная: *де 'вієте // 'вієтесте хо'дили* в периферийной ЧДС (п. 659 в АУМ II, с. Кривоверба Бело-Подляского воеводства, Польша; запись 1965 г. [АУМ III, ч. 4, с. 218]).

Специально собранные сведения показали, что *вите* (в фонетических и акцентных вариантах) — хорошо сохранившаяся форма местоимения, часто отмечается как дублет к *ви*; она четко отделяет западнополесский диалект от других украинских, белорусских и польских, объединяя его с украинскими брестско-пинскими (ДАБМ, к. 38, коммент. на с. 397) и подляшскими говорами (AGWB VII, т. 80), очерчивая ареал западнополесского диалекта до его разделения государственными границами; известна она и белорусским говорам смешанного украинско-белорусского (брестско-пинского) ареала (Босак, к. 52). Насыщенный и значительный по территории компактный ареал распространения словоформы *вите*, наличие фонетических и акцентных вариантов свидетельствуют об относительной временной глубине ее возникновения и значительной функциональной нагруженности в данном диалекте в прошлом. Таким образом, изначальная гипотетическая оценка форм 2 л. мн. ч. личных местоимений как ареально не релевантных в украинском континуме, поэтому не предусмотренных в (Програма), оказалась необоснованной.

4) Выразительной чертой западнополесского говора является конструкция *говорить (сказать) + асс. с предлогом адресата речи вместо известной многим диалектам и ЛЯ конструкции с dat. без предлога (сказати батькові, говорити жінці, передати сусідові)*. В ряде несмежных между собой ЧДС функционирует синтаксическая структура с асс. предложным: *i 'кажемо на_ха'з'айку / 'кажемо // нуї'd'і / нуї'd'іте шче прині'сіте во'де; 'каже ... на_нас; i_в'ін 'каже'е на / на_ту / на_св'ікр'уху // і'ди ста'ра ... ; ска'зав на_жс'інку / ро'с:ердивс'а и др.*²⁷; см. пример усложнения конструкции с нарушением согласования: *a_йа ка'же'у на_тийі бости'н'акеї* [жителей с. Бостынь] *шо 'йідут' іс_Пинс'ка* (Мотоль Ивановского р-на Брестской обл., Арк. 2012: 218). Устойчивость данной конструкции в речи придает ей статус структурного маркера диалекта.

5) Одна из отличительных черт говоров брестско-пинского ареала — вариант формы глагола *жив'іти* (< *жити* 'жить, проживать'), повлиявший в ряде ЧДС и на другие словоизменительные формы в парадигме: *за'йїхали в*

²⁷ См. тексты из сел Островок, Городок Камень-Каширского р-на, Быхов Любешовского р-на, Самары Ратновского р-на, Мельники Шацкого р-на Волинской обл. (Арк. 2010).

ста'ройе село **пожи'в'іли** (Ворле Каменецкого р-на Брестской обл.); *там ми жи'в'іли; то вже дав'но йак ха'з'айін жи'в'ів; но ти з_ійм 'довго жи'віти не_будеш; пережи'в'іли* (с. Величковичи Каменецкого р-на) (Арк. 2012: 56, 70, 74, 80). В одних ЧДС инфинитив *жив'іти* сосуществует с другими словоизменительными формами, в других говорах наблюдаем наличие производных от *жив-(і-ти)* при инф. *жи-(ти)*: *ну_й ми та'ко жи'в'іли // там жи'в'іли змалеч'ку і постройіли собі хату / то вже і оде стали 'жити // ну і_так 'живимо; він там жи'в'ів* (Вельямовичи Брестского р-на — там же: 300–302, 308).

Список грамматических черт западнополесского говора, которые еще не стали предметом специальной структурной, функциональной и ареалогической аттестации и не используются в характерологии данного диалекта, может быть значительно расширен в опоре на доступные картографические и текстовые источники. Это прежде всего часто используемые элементы речи: 'бало 'было', *бі* 'как'²⁸, *зе* 'да', 'здесь', 'вог', *оге, огет* 'вог', *де* 'разве', 'мусит' 'наверное', *мусово* 'обязательно', *но* 'только', *оде* 'вог', *тоно* 'только, лишь', 'шено 'только что', ряд производных с формантами *не-* и *ни-* без семантики отрицания, с общим компонентом значения неопределенности ('н'іки, 'н'еки, 'н'акі 'какой-то', 'кто-то', *н'ііа'к'ііе* 'какие-то', 'н'іде 'где-то', 'н'ешо 'что-то'²⁹ и др.); к этому ряду примыкает изредка фиксируемый предлог *без* 'через' и др. Каждый из приведенных элементов нуждается в тщательном дополнительном изучении, прежде всего в определении географии, включая межславянские связи и соответствия, функций и временной ретроспекции.

Приведенные разрозненные примеры только из одного ареала убеждают в преждевременности оценок современных диалектов как эмпирически исчерпанных, в частности относительно грамматических форм. Даже в ситуациях, когда с определенным сегментом структуры диалекта /ДЯ на этапе общего моделирования атласа или монографического исследования не связывали обнаружение новой информации, нередко наблюдения над диалектом приводили к выявлению новых словоформ или вариантов, трансформ ранее известных языковых элементов, хранящих сведения, которые своей лингвистической ценностью могут превзойти самые смелые ожидания. Перспектива

²⁸ Подробнее о союзе *бі* см.: *Грищенко П.* Локалізми у структурі діалектної мови. I // *Jazykovedné štúdie. XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie.* Bratislava, 2010.

²⁹ Об утрате в говорах Смоленщины и Могилевщины частицей *не* семантики отрицания подробно см.: *Толстой Н. И.* *Не* — не 'не' // *Толстой Н. И.* *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.* М., 1995.

пополнения сведений о грамматике ДЯ стимулирует повторное соби́рание материалов даже по казавшимся ранее хорошо известным в диалектологии и истории языка сюжетам, и на различных территориях, включая «достаточно изученные». Самоочевидно, что о многих грамматических формах украинских диалектов, а также об их динамике, функциях отсутствует надлежащая информация, потребность в которой ощущается весьма остро, особенно в связи с интерпретацией значительного по объему материала АУМ и попытками его прочтения в восточно- и общеславянском континуумах. В этой связи обращает на себя внимание замечание Л. Э. Калынь: «Выбор предполагаемой конечной формы описания, соответствующей определенной теории языка, определяет методику работы в поле и вид искомым лингвистических данных»³⁰. Формирование круга *искомых лингвистических сведений* — это реализация принципа избирательности и заданности при формировании вопросников для составления атласов или описаний диалекта, что изначально позволяет оставлять без внимания многие структурные элементы, важные явления ДЯ, относительно которых существует отрицательный прогноз их эвристической ценности, возможности вскрыть неизвестные ранее факты языка. Отмечено, что моделирование содержательной структуры атласа нередко сказывается на объеме и архитектонике информации дескриптивных исследований; к примеру, в украинской диалектологии наблюдается ориентированность проблем и языкового материала ряда монографических описаний — Я. Е. Пуры, В. С. Ващенко, Д. Г. Бандриковского, П. И. Приступы, Г. Ф. Шило и др. — на программу АУМ. Таким образом, круг сведений не изменяется или почти не изменяется, оставляя без внимания не представленные в АУМ и описательных трудах элементы структуры и многие явления. Последующее пополнение сведений о ДЯ со временем происходит преимущественно случайно, без критического анализа объема и характера существующей информации и целенаправленного ее расширения; зачастую новые исследования имеют региональный характер, не покрывают весь диалектный континуум.

Особый тип презентации грамматической информации представлен в обобщающих трудах, учебной литературе, авторы которых ограничиваются либо перечнями разрозненных грамматических форм-маркеров на фоне литературного стандарта, либо презентацией типичных (по их представлениям) словоизменительных парадигм.

³⁰ Калынь Л. Э. [Рец. на:] А. Е. Кибрик. Методика полевых исследований (к постановке проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976. С. 261.

* * *

Даже при кажущейся достаточности (или избыточности) сведений об однотинных словоформах нет полной уверенности в том, что исследуемое явление представлено исчерпывающе, а расширение круга репрезентантов и вовлечение в наблюдения новых ЧДС не даст неизвестных ранее языковых фактов, способных расширить репертуар соотносительных вариантов формального выражения граммеы и повлиять на интерпретацию изучаемых языковых единиц и процессов. В этом плане показательно отражение в АУМ окончаний существительных f. *ā/*jā-основ в instr. sg. Для ā-основ (по словоформам *дорога, голова, нога, рука, рыба, вода*) зафиксированы флексии *-ойу, -ой, -оў, -ом*; для jā-основ (по словоформам *земл'а, душа, долон'а, криниц'а*) — флексии *-ейу (-айу при e < a), -(^с)оїу, -еў (-иў), -(^с)оў, -ем, -(^с)ом, -ої* (АУМ II, к. 170; АУМ арх.). Набор этих флексий издавна является предметом научного комментирования. Однако различные источники, в частности из западнополесского диалекта, отражают и другие флексии существительных f. instr. sg., а именно: *-о, -ойо* (варианты *-ойа, -айа* для основ на твердый согласный), реже *-ийо* (вариант *-ейо*); они отмечены как дублиеты иных словоформ или безвариантно, как единственный репрезентант граммеы: *s syst'ro // s syst'roju, ko'rowoju // ko'rowo, svy'n'o, k'is'c'o* (*ī-основа (*кошь*)³¹; *со'ломо, со'ломойо, со'ломойа, со'ломайа, со'ломийо, зем'лейо, фа'солейо, чере'пицыйо* (Зінчук, к. 9–11); см. сохранение флексии *-о* в словосочетании, провоцирующем возможность иного окончания: *a_ 'йа 'в'ідайу / йа'койу 'мово го'вори-мо?*³². Такие флексии нельзя отнести к рудиментарным, поскольку мы наблюдаем живое формообразование для относительно новой лексики (*чере'пицыйо*). В известных источниках по территориально близким украинским говорам Белосточчины³³ и смежному брестско-пинскому ареалу, имеющему много общих с западнополесскими говорами явлений³⁴, такие формы не указаны, хотя приведенная единичная форма из записи спонтанной речи в с. Хрисо (Брестская обл.) указывает на необходимость повторного тщательного обследования данного ареала. Флексии *-ойо, -ейо*, зафиксированные в нескольких пунктах с различной последовательностью³⁵, можно было бы отнести к локальным

³¹ Доротище Ковельского р-на Волынской обл. (пункт 404 в ОЛА) (ОЛА арх.).

³² Хрисо Березовского р-на Брестской обл. (Арх. 2012: 170).

³³ АГВВ III, т. 176–177.

³⁴ ДАБМ, к. 69–72; Леванцэвіч, к. 1–2; Босак, к. 31.

³⁵ Если условно обозначить словоформы *со'ломо* как {1}, *со'ломойо* — {2}, *чере'пицыйо* — {3}, *зем'лейо* — {4}, *фа'солейо* — {5}, то их распространение в ЧДС (согласно [Зінчук, к. 9–11]) будет следующим: Датынь Ратновского р-на, Доротище Ковельского р-на {1,

трансформациям по модели гиперкорректного оканья (реакция на типичное для этих диалектов уканье) или (в случае с *-o*, *-e*) объяснить усечением флексии. Однако вряд ли возможно объединить все приведенные флексии как результат одного типа изменений. К примеру, для флексии *-o* высока вероятность ее возникновения вследствие польского влияния, поскольку для значительной части северо-восточных и восточных польских говоров характерно развитие старопольского **o* по пути утраты назальности (**o > o*), обусловившее появление в указанной части польского континуума форм instr. sg. f. **ā*-осн. с флексией *-o*, например, *drogo*, *z babo* (MAGP 6, т. 277). Западнополесские говоры продолжительное время испытывали ошутимое польское влияние на различных структурных уровнях, что повышает вероятность польского источника флексии *-o* в этих диалектах. Вне ареальной связи с западнополесским микроареалом флексия *-o* в instr. sg. f. зафиксирована в территориально отдаленных диалектах: в среднезакарпатском (*ночо* от **ночь* — **ī*-осн.)³⁶ и поднестровском (*m'it'lo*, *p'utno*, *pit sv'ojo x'ato*)³⁷; поднестровский ареал длительное время также был подвержен польскому влиянию. Предположительно, формы с флексией *-o* спровоцировали изменение флексий *-oйу*, *-ейу*: *-oйу > -oйо* (< *-oйа*, *-айа*), *-ейу > -ейо* (< *-ийо*, *-ийо*). Рассмотренные факты важны как дополнительный аргумент для тех исследователей, которые возникновение флексии *-ом/-ем* в instr. sg. f. и согласованных с ними словоформ других грамматических классов в юго-западных украинских диалектах рассматривали как результат польского влияния (в противовес мнению об индукции этих флексий из форм instr. sg. m. и n.³⁸): значительный по величине ареал развития старопольского */*o/* как бифонемного образования

2, 3}, Выгнанка Любомльского р-на, Смидын Старовыжевского р-на {1, 2, 3, 4}, Новоселки Турийского р-на {4}, Заречье Ковельского р-на {5}, Велимче Ратновского р-на {3, 5} и варианты *ze'm'nejo*, *so'lomoja*, *so'lomajja*, в с. Дольск Любешовского р-на — *so'lomojjo*; все н. п. расположены в Волынской обл. Опора на широкий набор репрезентантов одного ряда позволяет моделировать *обобщенный* ареал явления (в данном случае — ареал флексии *-ейо* существительных instr. sg. f.), которое нерегулярно проявляется в словоформах одного словоизменительного типа.

³⁶ Кушница Иршавского р-на Закарпатской обл. (АУМ II, к. 176, комментарий на с. 40).

³⁷ Хмелиска Подволочиского р-на Тернопольской обл. (*Dejna K. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny*. Wrocław, 1957. S. 93). Хотя на данную словоформу в монографии К. Дейны исследователи обратили внимание, однако они ошибочно объединили как идентичные формы с различными флексиями, *-o* и *-oйо*, не прокомментировав источники и условия их появления (см.: *Історія української мови. Морфологія*. Київ, 1978. С. 80).

³⁸ К примеру, М. Пшепурская в формах *tom rukom* посанского диалекта усматривает результат аналогии: «закінчення є вислідом ділання аналогії чоловічої відміни на жіночу» (*Пшепурська М. Надсянський говір*. Варшава, 1938. С. 38).

[om], [o^hm] также примыкает к украинскому континууму (MAGP VI, m. 277), где такой тип окончаний находит продолжение как дублет другим флексиям или образует бездублетные микроареалы (в лемковском, посанском, поднепровском и западной части подольского диалектов [АУМ II, к. 170, 171]). Отметим, что в лемковском флексии -oў, -om выразительно разделяют диалект на восточный и западный ареалы соответственно, исключая южную зону, где распространена флексия -y (Латта, к. 211, 228)³⁹.

Междиалектным соответствием в ряду флексий instr. sg. f. является окончание -e, зафиксированное различными источниками в отдельных западно-полесских ЧДС: до'рого, гулу'ве, 'рибе, но'ге, 'воде, 'к'істке, кри'нище, зим'н'е, ду'ше, до'лон':e⁴⁰, со'ломе, чере'нице [хто чере'нице крив {хату}⁴¹] а хто со'ломе⁴², за Ми'коле (= за Ми'колоу) [а_йа вже бу'ла за'мужн'а // бо йа вже тут бу'ла за Ми'коле]⁴³. Генезис флексии -e требует дополнительных разысканий. При этом важно учесть пространственный конкорданс: в одних случаях (Великие Телковичи) окончание -e представляет периферию ареала -ейу, что не исключает появление -e вследствие усечения «полной» флексии -ейу; в другом случае (Пидцырья) отмечена пространственная близость с ареалом флексии -o, что не исключает возможной связи между ними.

Наблюдения над отдельными флексиями instr. sg. f., восходящими преимущественно к *ā-основам, демонстрируют наличие в диалектах таких формальных средств реализации данной граммы, которые из-за неполноты фиксируемого материала ранее не привлекали надлежащего внимания исследователей, хотя такие формы ареально релевантны, а познание путей их

³⁹ И. А. Панькевич оценивал данную флексию -y как результат словацкого влияния (*Панькевич І. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Praha, 1938. С. 223*), хотя в словацких диалектах (по данным распространения словоформы žena [ASJ II, m. 43]) продолжение имеют именно флексии -oў и -om, образуя с украинскими лемковскими говорами общие ареалы.

⁴⁰ Степангород Володимирецкого р-на Ровенской обл., п. 66 сетки АУМ, т. 2 (АУМ арх.); в (АУМ II, к. 170) пункт 66 представлен без репрезентанта (пусто) и без комментария, а на карте 171 в этом пункте ошибочно указана словоформа до'лон'(н')у; таким образом, зафиксированные и сохранившиеся в записях эксплораторов словоформы с флексией -e оставлены без внимания, предположительно, из-за их необычности и отсутствия надлежащего объяснения генезиса данных форм.

⁴¹ В скобках {} реконструированы сегменты отдельных словоформ или высказываний, отсутствующие в цитируемых текстах.

⁴² Великие Телковичи Володимирецкого р-на Ровенской обл. (Зінчук: 40); пункт расположен близко к Степангороду Володимирецкого р-на.

⁴³ Пидцырья Камень-Каширского р-на Вольнской обл. (Арк. 2010: 184).

возникновения способно вскрыть не известные ранее процессы в области грамматики ДЯ.

Устноречевая форма существования диалектов сформировала такую особенность их грамматического строя, как *пропуски маркеров грамме*, что, как показал анализ текстов, имеет не единичный и не случайный характер в речи диалектоносителей. Эта черта сигнализирует об оппозиции говором по признаку сохранения/утраты формальных показателей грамме. На такие факты, едва уловимые при собирании диалектных материалов в режиме вопрос–ответ, исследователи, как правило, не обращали достаточного внимания. Однако в текстах, особенно аутентичных (не подвергавшихся целенаправленному редактированию при издании), отмечено множество таких фактов. Так, зафиксированы словосочетания, в которых отсутствует предлог, хотя его участие в выражении грамматического значения и обеспечения синтаксической связи является нормой для этих говором. Например, в (Арк. 2010): *була {в / ѱ} 'нашому сел'і та'ка ище з'начит' {і/и}с'торія, хлопці поприход'ат' // то {в} 'карти з'райут'; от в_нас був та'к'їй чулу'в'ік {у} су'с'цтви; там {у} д'ру'з'їй сторо'н'і; бо {в/ѱ} ми'не ни'ма; {в/ѱ} 'мене вас іе два'нани'ат'; ко'лис' {в/ѱ} 'мейі о'тейі 'матера; {на} ск'рипку поз'раїе; 'с'іна т'реба {для} ко'ров" и др. Конструкции с пропущенным предлогом часто варьируются с предложным словосочетанием в той же ЧДС, иногда — в ближайшем текстовом окружении: *да / ви'возили // аж {в} Ро'с'ейу 'їздили // 'б'еженцями / 'їздели // в_Ро'с'їю.**

Редукцию предлогов зачастую провоцируют фонетические изменения на стыке предлога и начала нового слова: утратив самостоятельность как сегмент словосочетания, предлог в составе нового фонетического слова подвергается трансформациям в соответствии с распространенными в ЧДС моделями, чаще всего стяжения одинаковых или ассимилированных звуков: *в'ін не_ {з} За'ліс':а // в'ін з:а_Лу'бмл'а; чоло'в'ік і_ 'жінкоюу (< із_жінкоюу); то йі'їй бат'к'е ка'зали / шоб во'на {в/ѱ}_ 'в'еруїушчі шла; 'тико {о} чи'ре'т був ви'лекїй {в/ѱ}_ 'возир'і; йак {в/ѱ}_ в'ін'кови'е були'е; в_нас не_бу'ло / {в/ѱ}_ В'їдерц'і не_бу'ло / в За'лаз':і не_бу'ло; за'били {в/ѱ}_ Вос'точнуї П'руссїї; во многих словоформах отражены результаты ассимиляции до стяжения «новых» долгих согласных: *муш'чина {до}нас во'зи'в 'риби с:'вит'ас'-кого [< з_С'вит'ас'кого] 'возира; в'ін жи'е'ве в:ати:'кан'і (< в_ Вати:'кані); 'парубок с:'вейу (< з_с'вейу) 'д'івчиноюу; 'ж:ита (< з_ 'жита) в 'жито пер'ход'ат'; йа_ ко'лис' (< йак ко'лис').**

Пропуски предлогов не вызывают коммуникативных осложнений, непонимания при восприятии информации, так как сегменты высказывания с

редуцированными предложениями в языковом сознании диалектоносителей соотношены с инвариантной грамматической моделью, включающей предлог; к тому же словосочетания с предлогом и с пропуском предлога могут свободно варьировать в речи информанта в одном акте коммуникации⁴⁴.

Принципиально тот же механизм — соотношение реализованного в речи диалектоносителя варианта грамматической структуры с инвариантом (с грамматической программой сегмента высказывания) — допускает трансформацию, реже — полную редукцию флексий; например, в западнополесском диалекте *по ти{x} ро'ботах, а х'лопци{ŷ} по'било; хо'дили с_тем{u} х'лопц'ами; по_нару'мис'ац'и{ŷ}; u_ми хо'дил'и там спи'вал'и / на_к'рилос{i}*; круг трансформированных флексий пополняет возникшее фонетическим путем окончание *-y* (*овъ > ов // оу > о'в > уу > у' > у): *вже в_ме'не 'деу'ят' правнуч'ку{ŷ} ие; по_метру{ŷ} п'йт'; р'ік і 'в'іс'ім 'м'іс'ац'у{ŷ} вс'о'го; в_йіх 'десит' ку'му{ŷ} бу'ло* (Арк. 2010). Приведенные примеры ослабления релевантности финальных маркеров грамеммы, очевидно, подчинены известному в устной речи процессу усечения конечных сегментов словоформ: *ду'дом* (из *додому* < *до дому*), *хо* < *хочете*, *мо* < *може*, *зва* < *звали*, *не вида* < *не видать* и др. Многие из таких трансформ имеют широкое распространение, зафиксированы в речи диалектоносителей не одной ЧДС; иногда образуя микроареалы, они нередко функционируют в дистантных диалектных системах.

В диалектных текстах изредка фиксируется явление, противоположное редукции маркеров грамемм, т. е. предложная избыточность, например: *приш'ли за_нас із д'е'р'евн'і вс'іх виган'али // той ма'д'ар у'же_ж рос'казував на_нім* [им] / *шо л'уде не винувати* (Арк. 2012) — использование предлогов *за* и *на*, предположительно, сигнализирует об изменении программы высказывания в речи диалектоносителя.

Отличия между ЧДС могут быть обусловлены тем, что грамматическое значение в пределах одного словоизменительного типа (грамматически и морфонологически не различающихся слов) в одних ЧДС выражаются одной флексией, а в других — с помощью двух и более альтернативных флексий.

⁴⁴ Следует отметить, что в текстах (Арк. 2010) широко представлены формальные изменения начала слова, не связанные с предложениями, которые, однако, могут усиливать динамику начала слова: *'начей* из *і(и)'начей*, *чи:'рот* < *очи'рот*, *'вечка* < *о'вечка*, *ст'ровок* < *ост'ровок*, *'бадва* < *о'бадва*, *д'будии* < *од'будии*, *з'мут'* < *о(во)з'мут'*, *за_парком_д'разу* < *од'разу*, *'кико* < *с'кико*, *ла'вайут'* < *обли'вайут'* [водой] и др. Закрепленное речевой практикой изменение структуры слова сохраняется и при последующем присоединении новых элементов: *не_доз'вавс'а* из *не_{o}доз'вавс'а* 'не откликнулся', *не_стау'л'ау'* из *не_{o}с-тау'л'ау'* и др.

Например, в (АУМ арх.) отмечено множество записей, свидетельствующих о типичной ситуации — общности окончания **-оўу** (или **-оў**, **-ом**) в instr. sg. f. для ряда существительных: *до'рогоўу*, *голо'воўу*, *но'гоўу*, *ру'коўу*, *во'доўу*, *ко'ровоўу* и др.; значительно реже — наличие конкурирующих окончаний: *голо'воўу*, *во'доўу*, *ру'буўу* и *до'рог'іўу*, *т'руйц'іўу*, *ко'ровіўу*⁴⁵, *во'доўу*, *но'го-ўу*, *голо'воўу*, *ру'коўу*, *до'рогоўу* и *'рибеўу*, *до'рогеўу*⁴⁶, *со'ломойу*, *фа'сол'оўу*, *чере'пицеўу*, *зем'лейо*⁴⁷ (Зінчук, к. 9–11) и др. Возможность формально различного выражения граммымы вопреки ожидаемой единой флексии для ряда слов актуализирует необходимость расширения списка репрезентантов словоизменительного типа для полевого обследования ЧДС.

В тоже время для описания грамматики диалекта также важен *выход за пределы изолированной словоформы*: учет синтагматических связей словоформы, ее ближайшего окружения способен вскрыть некоторые важные особенности структуры, иногда — и генезиса грамматических форм. Эвристически ценными могут оказаться даже хорошо известные модели устойчивых синтаксических связей словоформ, если принять во внимание их синтагматику в речи. В аутентичных диалектных текстах неоднократно отмечались ситуации, когда при возможности выбора типичного маркера граммымы в речи использован иной маркер, который не соответствует ожиданиям — распространенной модели применения согласованного средства реализации данного грамматического значения. Например, в атрибутивных словосочетаниях на фоне преобладания общего формального показателя в согласованных компонентах сочетания (*яа 'тейі ма'лейі*; *с_та'к'ейі 'тейі блис'кучыйі бу'маг'і*) нередко отмечены случаи передачи общей граммымы отличающимися формальными средствами: *з_ба'бойу по'койнийу шла*; *дру'г'іўу до'рогоўу*; *бу'ла 'цэрква та'ка 'чорнейу бл'ахойу к'рита* (Арк. 2010: 39, 296, 520), *і'дут' ші'рок'іўу до'рогоўу*; *с 'тейі 'діўчинойу*; *с 'туў 'д'іўкоў* (АУМ арх.) и др. Следует подчеркнуть, что несогласованность флексий отмечена не только в потоке речи, но и в изолированном произношении (в ответах на вопросник), что свидетельствует об ослаблении согласования, сохранении относительной автономности членов словосочетания. Показательно в этом плане замечание составителей карты 125 «Безударное окончание творительного падежа единственного числа женского рода» в ДАБМ, не усмотревших в несогласованности окончаний местоимения и прилагательного в словосочетании важной отдельной проблемы грамматики ДЯ: «При картографировании не учитыва-

⁴⁵ Пески Кобринского р-на Брестской обл. (АУМ арх.).

⁴⁶ Верхолесье Кобринского р-на Брестской обл. (АУМ арх.).

⁴⁷ Новоселки Турийского р-на Вольнской обл. (Зінчук, к. 9–11).

лись формы местоимений, которые на значительной территории не совпадают с соответствующими формами прилагательных» (ДАБМ ком.: 572). Отмеченное несовпадение грамматических показателей в местоимениях и прилагательных в пределах одного словосочетания отражает важную особенность этих белорусских диалектов, к тщательному изучению которой следовало бы вернуться специально.

Прилагательные, приняв в своем историческом развитии преимущественно словоизменительную парадигму местоимений, часто сохраняют данный тип не только в сочетании с местоимением (*'тейі ма'лейі; ше брат буў стар'уіі 'мейі* 'матери моей'), но и закрепляют его в свободном, вне связи с местоимением, употреблении (*йа ма'лен'к'ііу була; од бож'ііі сили* вместо *од божоі сили*), охватывая и субстантивированные словоформы (*ланка'вейу ро'била* 'звеньевой'). Об усилении местоименного типа словоизменения существительных сигнализирует индукция на парадигму существительного как с исходно мягким согласным основы (instr. sg. — *ду'ш'ііу, зем'н'ііу, до'лон'ііу, к'лун'ііу*), так и с твердым (*со'лом'ііу*); по данным ДАБМ, в говорах Брестчины функционируют ЧДС, в которых влияния «местоименно-прилагательного» типа склонения на склонение существительных выражено более последовательно, например, *но'в'ііу х'ат'ііу, т'ёмн'ііу н'ічк'ііу, с'б'н'ііу х'устк'ііу* (Хмелево Каменецкого р-на Брестской обл.), *но'в'ііу х'ат'ііу, т'ёмн'ііу н'ічк'ііу, над ш'ыр'ок'ііу р'ічк'ііу* (Ставы Высоковского р-на и др. ЧДС, [ДАБМ ком.: 572–579]). Иногда так наз. местоименная флексия в словосочетании закреплена только за существительным: *т'ёмн'ііу н'ічк'ііу* (Тышковици Ивановского р-на), *д'эка'ііу птушк'ііу* (Ополь Ивановского р-на), *т'ёмн'ііу н'ічк'ііу* (Сочивки Ивановского р-на), *молод'эй ж'ічк'ііу* (Сварынь Дрогичинского р-на) и т. д. (там же). Показательно, что традиция ориентироваться в лингвогеографии на отдельное слово, словоформу проявляется и в случаях, когда эксплораторы во многих полевых записях представляли изолированные словоформы, хотя объектом изучения было определено словосочетание; таким же образом построены и многие карты — без выхода за пределы словоформы, без учета синтактики, столь важной для познания ДЯ, его пространственной дифференциации.

Таким образом, синтагматическая индукция, имеющая основой устоявшиеся в диалектной речи программы высказываний, трансформировалась в признак парадигматический; глубина индукции (охват зоны *местоимение + прилагательное* или *местоимение + прилагательное + существительное*) обретает статус релевантного признака отдельных ЧДС или микроареала. Последнее свидетельствует в пользу необходимости усиления внимания к синтагматике

морфологических форм при прогнозировании и осуществлении полевого обследования диалектов.

Нарушение синтаксической связи (согласования, управления), о чем сигнализируют флексии, может иметь различную природу и неодинаковую устойчивость в речи, что требует дополнительных разысканий в каждом отдельном случае, см.: *по пара* (вместо *по пару*) *дівчат*; *їа пушла в свуйу хату* (вм. *хату*) / *вуні пу свуйім хату* (вм. *по хатах*); *бат'ушка с_ 'н'евчі* (вм. *с_ 'н'евчими*) и др. В отдельных случаях в такой несогласованности можно усмотреть контаминацию семантически тождественных или синонимичных устойчивых словосочетаний. Например, структура *пизн'ойу осен'і було* могла возникнуть вследствие наложения высказываний *пизн'ойу осен'у* и *пизн'ойі осен'і*; предположительно таким же мог быть путь возникновения словосочетания *же'нивс'а на дру'гуйу* (наложение *женивс'а на другій* и *вз'ав дру'гуйу*); *гово'ру на та'куйу са'мой 'мові* (наложение *на такой самой* и *та'куйу са'му'йу*). Иногда словосочетание может существенно отличаться от типичных структур, представляя значительную трудность для объяснения условий его возникновения в речи; например, для понимания выражения *а їа коліс' через стар'іш'і л'уде казали* важен следующий сегмент — *чула шо говорат'*, позволяющий смоделировать микротекст как **через* ['от'] *стар'іших л'удей чула, що казали*.

Следует отметить наблюдаемые в речи диалектоносителей трудности в грамматическом оформлении отдельных лексем, их отнесении к словоизменительному типу, о чем свидетельствует варьирование маркеров грамем. Это относится не только к лексике новой на фоне традиционной и грамматически устоявшейся, но и к известной, однако, очевидно, принадлежащей к периферийному сегменту структуры ЧДС. Такую словоизменительную неустойчивость демонстрируют топонимы, зачастую хорошо известные в говоре, например: *два 'м'іс'ац'і ї_ 'Луц'кії* (вм. у *Луц'ку*) *про'леж'іла*; *'мати' годувалас'а в_ Кол'од'ажни // іїїї 'мати була с_ Кол'од'ажна* (ном. sg. — *Кол'од'ажне*); *пошов в Нововолін'с'к // жи'ве в_ Нововолін'с'кому // нужи-'ни'лис'а {в} тим Нововолін'с'куви* (ном. sg. — *Нововолінс'к*) (Арк. 2010: 122, 274); *там бу'ли л'уде з_ 'зетого ... Бос'тин'а / Бос'тин'а а_ по'том вже за_ 'тими Бос'тин'ми* (pl. вместо sg.) (Арк. 2012: 216) и др. Поэтому специального внимания заслуживает поведение словоформ отдельных групп лексики, в частности, ономастикон, числительные.

Оставляя для специального исследования обширную проблематику синтаксиса диалектной аутентичной речи с типичными для устного линейного речетворения эллипсами, повторами, переориентацией и изменениями свя-

зей в словосочетаниях, отметим, что тексты, особенно спонтанные (близкие к спонтанным) и значительные по объему, вскрывают многие не известные ранее грамматические формы, значения и связи, предвидеть которые на этапе составления вопросников для обследования диалектов практически невозможно. Невозможно также предвидеть появление в текстах грамматических неформ, которые могут восходить к устойчивым сочетаниям в речи, например: *t'рабу'ло* (< *тра_було* < *t'реба бу'ло*), *вродібу'то* (< *в'роді_бу_то*), *си'д'алос'а* (< *се 'д'ійалос'а*), *наа'йагже* (< *ну_а_йак_же*), *'тайагби* (< *'так_йак_би*), *'чутено* (< *чуйте 'но*), *'хайно* (< *хай но*). Такими универбами пестрят тексты из различных украинских диалектных зон. Пространственное поведение неформ (они часто отмечены не в одной-двух ЧДС, а нередко образуют отдельные (микро)ареалы или вкрапления в ареал распространения других форм), устойчивость, повторяемость в речи обуславливают их вхождение в грамматику диалекта, его структуру. Поэтому проблема грамматических неформ, определения их места в структуре ЧДС обретает особое значение; одновременно это подчеркивает важность изучения универбации как имманентного свойства устной диалектной речи, которое влияет на репертуар грамматических форм и их функционирование. Основой такого направления исследования грамматики диалекта является база данных, включающая программированные записи, ориентированные не только на заданную грамматическую матрицу, но и в значительной степени на диалектные аутентичные (!) тексты (макротекст).

При исследовании грамматики диалектов (в описаниях, картографической интерпретации) дает о себе знать, казалось бы, маргинальная проблема — насколько правомерен выход за пределы грамматики в сферу фонетики, акцентуации или словообразования, особенно при ощутимом ослаблении или отсутствии собственно грамматической составляющей анализа. Ведь если для ЧДС, к примеру, мена *'а > 'е...'* после мягких согласных является нормой, проявляющейся во всех сегментах слова, то возможность таких же фонетических изменений и во флексии является самоочевидной, не требующей специального комментирования. В такой ситуации объектом пристального внимания скорее должны стать отклонения от данной характерной для ЧДС нормы, невключенность отдельных словоформ в поле регулярной реализации данного фонетического явления. Однако в исследованиях, например, отличий числительных в украинских диалектах обращено внимание на фонетические особенности (как *один – оден, йіден, вісім – восім, осим, девім' – девік'* и др.), словообразование (порядок элементов в поликомпонентных числительных — *двац'ім' два, двац'ім' і два, два і двац'ім'*, образование назва-

ний дробей) или лексическую реализацию (*сорок* и *чотирдес'ит'*, *девіносто* и *девіт'десім'*), однако не затронута такая важная собственно грамматическая проблема, как неполнота реализации словоизменительной парадигмы в говорах, лакунарность в склонении⁴⁸, что отмечено другими исследователями⁴⁹ и подтверждено диалектными текстами. Неграмматическое в характеристике словоформ сохраняет свою ценность в тех случаях, когда такая информация релевантна для определения предпосылок изменения словоформы или же объясняет специфику ее текстового поведения, функционирования в речи, когда такие сведения важны для установления причин совпадения словоформ в парадигме, что влечет за собой противопоставление ЧДС или ареалов по данному грамматическому признаку. Таким образом, оправданием целесообразности привлечения в данном случае неграмматической информации может служить только грамматика — доминанта и конечная цель такого познания.

Представленные наблюдения над некоторыми чертами грамматики диалектов (преимущественно западнopoлесского) и комментирование отдельных проблем убеждают в наличии значительного резерва информации о грамматическом строе диалектов, ее практической неисчерпанности; одновременно они демонстрируют неполноту, фрагментарность грамматических сведений, которыми сегодня располагают исследователи. Сложившаяся ситуация ограничивает использование грамматики для более полного познания языкового ландшафта, для определения причин, условий и направлений формальной и функциональной динамики морфологических и синтаксических единиц ДЯ. Преодоление неполноты сведений о грамматике диалектов видится в последовательном определении набора формальных средств и глубоком исследовании их речевого поведения, что позволит более точно моделировать функциональные поля каждого элемента, связи между ними. При этом выход в

⁴⁸ Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966. С. 92; отсутствует информация о словоизменении числительных и в: Бандрівський Д. Г. Говірки Підбузького району Львівської області. Київ, 1960. С. 64–65.

⁴⁹ Словоизменение числительных в закарпатских говорах комментирует И. А. Панькевич (Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Прага, 1938. С. 292–299), в полтавских — В. С. Ващенко (Полтавські говори. Харків, 1957. С. 193–204), в поднестровских — П. И. Приступа (Говірки Брюховицького району Львівської області. Київ, 1957. С. 46–49) и Г. Ф. Шило (Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957. С. 144–148); обобщенные замечания о лакунарности словоизменения числительных в украинских диалектах см.: Бевзенко С. П. Українська діалектологія. Київ, 1980. С. 118–119 и др.

текст, в речевую деятельность диалектоносителя мыслится как методологически важный шаг в объемном познании грамматики диалекта.

Определяя системность как основополагающий постулат в изучении диалектов, мы закономерно наталкиваемся на проблему возможности его практического воплощения относительно грамматического уровня. Обозреть структуру и исчерпывающе отразить функционирование элементов грамматики позволяет поэтапное моделирование сегментов данного многопланового образования. Моделирование как важнейшая исследовательская процедура в сочетании с широким использованием свидетельств диалектных текстов способно обеспечить создание качественного нового обобщенного портрета грамматического строя как отдельных ЧДС, так и ДЯ в целом. В том, что такие ожидания не беспочвенны, убеждают и приведенные выше сведения о грамматических формах, явлениях, процессах преимущественно только из одной зоны украинского диалектного континуума, хотя каждый диалект хранит множество важных черт своей структуры, направлений изменений и их комбинаторику, что порождает динамику говорів, появление выразительных отличительных, запоминающихся особенностей их портрета. Все это способно существенно изменить представления об устройстве и функционировании ДЯ как целостного устойчивого и динамического образования.

Источники

- AGWB — Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. T. I–VII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1993–2012.
- APID — *Dejna K.* Atlas polskich innowacji dialektalnych. Warszawa; Łódź, 1981.
- Арк. 2000 — *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок. Т. 1–2. Луцьк, 2000.
- Арк. 2007 — *Аркушин Г. Л.* Голоси з Підляшшя. (Тексти). Луцьк, 2007.
- Арк. 2010 — *Аркушин Г. Л.* Голоси з Волинського Полісся. (Тексти). Луцьк, 2010.
- Арк. 2012 — *Аркушин Г. Л.* Голоси з Берестейщини. (Тексти). Луцьк, 2012.
- ASJ — Atlas slovenskeho jazyka. II. Flexia. Bratislava, 1981.
- АУМ — Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.
- АУМ арх. — Архив Атласа украинского языка. Хранится в Институте украинского языка НАН Украины, Киев.
- Босак — *Босак А., Босак В.* Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці сумежжа (Верхняга Над'ясельдзя). Фанетыка і марфалогія. Мінск, 2005.
- Зінчук — *Зінчук Р. С.* Атлас словозміни іменників у західнополіських говірках. Луцьк, 2010.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

- ДАБМ ком. — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт. Мінск, 1963.
- ДАРЯМ — Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Латта — *Латта В.* Атлас українських говорів Східної Словаччини. Пряшів, 1991.
- Леванцэвіч — *Леванцэвіч Л. В.* Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Марфалогія. Брэст, 1994.
- MAGP — *Mały atlas gwar polskich.* T. I–XIII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1957–1970.
- ОЛА арх. — Архив полевых записей украинских пунктов Общеславянского лингвистического атласа. Хранится в Институте украинского языка НАН Украины, Киев.
- Програма — Програма для збирання матеріалів до діалектологічного атласа української мови. Київ, 1949.

Summary

Pavlo Hrytsenko

A Grammatical Portret of Dialect

Grammatical phenomena, including forms and meanings, which are different from the invariant model of a standard idiom and differentiated in the dialectal continuum, have long been in the focus of linguistic research.

So far there are several approaches to the description of dialectal grammar, which basically tend to

(a) compare the dialectal grammar to a non-dialectal invariant (either the standard Ukrainian or — if the former standard doesn't exist — Church Slavonic or Russian)

(b) compare different dialects so that to delimit relevant and irrelevant structural features

(c) give a complete description of a particular dialectal system

(d) describe a particular dialect through the analysing the macro-text of all speech products.

Each of the approaches mentioned above has its own advantages, particularly in terms of completeness of data presented there. The older works of the type (a) gradually collected a set of grammatical features that appeared to be indispensable in the process of the creation of the Linguistic Atlas (that itself belongs to the works of the type (b)). A comprehensive study of the dialectal continuum undertaken by new linguistic maps and atlases, delivered a number of new grammatical

elements, their forms and functions, which had remained unknown within the descriptive approach. Complete descriptions of the morphology of some Ukrainian dialects (e. g., Ubla and Zvala in Eastern Slovakia) showed advantages of the scrupulous and systematic analysis of a dialectal grammar. A real grammatical structure and the peculiarities of its functioning became outlined within the dialectal text corpus analysis, that is able to show the lack of some elements (positions) in the “ideal” invariant, the frequency of a particular word-form in texts (as an exponent of its different functional load in language), the interaction of derivational patterns and functional changes of particular grammatical items. Premised on dialectal texts, attention is focused on the oral existence of dialects as well as the interaction of verbal and nonverbal means of communication. The predominantly oral existence of a dialect (as attested in graphic textual analogs) brings about a kind of asymmetry when grammatical meanings do not have grammatical forms or, in fact, are not formally represented or represented partly.

The geographical distribution of grammatical elements of a particular dialect demonstrates their areal significance, i. e., their ability to differentiate the continuum and delineate dialectal areals. While attested on maps, the areal characteristics of the relevant grammatical elements allows for their genetic interpretation, including conditions and factors of the development of grammatical differences as observed in a particular dialect.

In Ukrainian dialects, one has recently detected such grammatical features which are not attested in descriptive works, dialectal atlases and dictionaries. All this calls for a new overview of the dialectal continuum, which is likely to generate an all-encompassing picture of the grammatical structure of a dialectal language. Only the approach, that is based on synthesis of different methods and supposed to form an empirical basis and analyse a dialectal language, will provide a comprehensive representation of the dialectal grammar, which structurally and functionally is a complex phenomenon.